

— У вас очень необычная биография, расскажите ее хотя бы вкратце.
— Каков был уровень вашей бедности, вы не испытывали ненависти к богатым?
— Ваша криминальная «карьер» помогла ли вам в вашей второй жизни?

Самый агрессивный человек Британии

— Я родился в Шотландии, в очень бедном районе Глазго. В начале века это был самый густонаселенный район Западной Европы, притягивавший иммигрантов. Я родился в 1944 году, под знаком «дети войны». В нашем районе жило очень много ирландцев, поляков, евреев. Отец мой умер, когда мне было всего четыре года, а поскольку у меня еще было три брата, то моей матери, чтобы прокормить нас, приходилось работать каждый день с пяти утра до девяти вечера. Она убирала дома богатых.

Мы не голодали, но сама ситуация складывалась так, что большую часть времени мы проводили на улице, играли во дворе, лазили по мусорникам. В то время не было, конечно, никаких социальных программ помощи бедным, и речь не шла о наличии телевизоров, стиральных машин и тому подобного. Более того, у нас не было электричества в доме. И тут очень помогала церковь. Люди не только находили умиротворение и утешение в католицизме, но в церкви просто выдавали свечи беднякам, чтобы они могли освещать свое жилище.

Я хочу подчеркнуть, что, несмотря на нищету, в нашем квартале была очень развита взаимопомощь между людьми. Когда мать была на работе, мы оставались под присмотром соседей, которые всегда нас могли накормить. Было негласное правило, которому следовали все вокруг: двери домов никогда не закрывались и вообще не было замков, потому что казалось невыносимым, чтобы кто-то у кого-то что-то украл. Соседские отношения были очень теплыми и тесными. Если кто-нибудь умирал, соседи ходили от двери к двери и собирали деньги на похороны.

Более того, поскольку все кругом были достаточно бедны, не было зависти к богатым. Не с кем было сравнивать. Нищета не являлась позором. Мы чувствовали себя достаточно уверенно. Другое дело, что я до 21 года не подолзал о существовании университетов, которые были поистине заповедниками для того мира, в котором я жил и рос. Да и обучение в школе требовало от людей гораздо больше денег, чем у них было. Школа была роскошью, которую очень многие здесь просто не могли себе позволить.

Короче, это была достаточно неоднозначная социальная ситуация, которая проявляла в людях как их лучшие, так и худшие качества. Последнее коснулось меня.

В нашем квартале процветал «черный рынок», где сплавляли краденое, а стало быть, и промышленный воровство в магазинах. Брали все, что плохо лежало, или, как это у нас тогда называлось, «все, что свалилось с телеги». И я, и некоторые мои соседи начали промышлять мелким воровством. С детского возраста у меня обнаружился в этом изрядный талант. У меня была солидная клиентура, приходившая за товаром: виски, сигареты, тому подобное. То есть, используя сноровку в воровстве, я уже обрел определенный статус в обществе, финансовое положение, а стало быть, свободу и независимость.

Естественным продолжением явилось мое вхождение в местную бандитскую группировку. Подобные банды были основной структурой окружающего меня мира. Главной мотивацией вхождения в нее был страх. Не будучи в банде, вы не могли в одиночку ходить по улице, тем более ночью, вы должны были все время опасаться за свою жизнь, а членство в банде автоматически давало вам статус и защиту.

Был определенный механизм вовлечения в преступность. Первое преступление я совершил, чтобы самому не стать жертвой преступления. После того как это случилось, я понял, что у меня это получается достаточно хорошо. И понеслось. Выйти из этой ситуации уже нельзя. Вас держит в ней постоянный страх и ощущение, что вы попали в ловушку, из которой нет выхода.

Все это привело меня к тому, что с одиннадцати до тридцати восьми лет я провел на свободе меньше года! За это время я прошел путь от колоний для малолетних преступников до самых строгих и секретных тюрем Великобритании. Обо мне писали в прессе как о самом агрессивном человеке в Британии.

Все время пребывания в тюрьмах я организовывал всевозможные восстания и акции протеста, связанные с очень жестокими условиями содержания там заключенных. Даже сами тюремщики не выдерживали этой атмосферы взаимной ненависти, более четверти из них тогда увольнялось. В тюрьме я был очень политизирован, попал под влияние идей «черных пантер», весьма популярных в то время в Америке. Неудивительно, что меня держали в совершенно экстремальных условиях.

27 июня в 18⁰⁰ состоится торжественная церемония установки скульптуры, которую Д. Бойл передает в дар Москве к ее 850-летию. На скульптуре вырезаны слова: «В каждом человеке заложено зерно духовности. Развивай его или нет: это выбор и право каждого человека». Скульптура будет установлена в день начала фестиваля «Путь к себе» по адресу: Ленинградский пр., 10А. Основная идея фестиваля — осознанное отношение к собственной жизни. Акция проводится по инициативе фонда «Горжана».

Во время одного из тюремных бунтов меня обвинили в совершении убийства и приговорили к пожизненному заключению. В действительности я никого не убивал, но мне кажется, был способен на это. Но мне был потенциал убийцы. Из-за условий, в которых я находился, из-за того, как ко мне относились тюремщики, я испытывал такие вспышки злобы и агрессии, что во мне было это желание.

Короче, шесть с половиной лет я провел в полуметельной камере самой строгой тюрьмы Англии, где меня держали совершенно голым, как животное. Когда я сидел в этой камере, мне раз в неделю приносили книгу. Первой книгу, которую мне принесли, было «Преступление и наказание» Достоевского. До этого момента, поскольку у меня практически не было никакого образования, я и не представлял себе, что такое литература. Эта книга произвела на меня глубочайшее впечатление...

То место, где меня содержали, даже камерой было трудно назвать. Скорее, это была клетка. Информация об этих клетках просочилась в британскую печать примерно в то же время, когда американцы протестовали против содержания своих пленных во Вьетнаме в клетках для тигров. Вдруг оказалось, что в Европе есть что-то очень похожее.

Государство было вынуждено менять правила содержания заключенных. Оно пошло на эксперимент. Было выбрано пять заключенных, в их число попал и я, для которых были созданы более гуманные условия. Не знаю, оттого ли, что я провел большую часть своей жизни в жутких тюрьмах, или оттого, что от меня слишком много требовали, но именно этот «чуждый» метод заключения стал самым тяжелым периодом в моей жизни. Очень легко поменять обстановку, но почти невозможно поменять свое отношение к жизни.

Именно в это время меня стали побуждать к иному, чем прежде, выстраиванию отношений с окружающим меня людьми. Но кто меня окружал? Тюремщики... То есть настал момент, когда я не только должен был встать лицом к лицу с людьми, которых я ненавидел самой лютой ненавистью, но и постараться найти с ними взаимопонимание, вступить в диалог! Это противоречило всему, чем я жил до сих пор. Мне надо было прийти к какому-то внутреннему соглашению с самим собой, отменявшему все, чему я верил прежде.

Это была перемена всего себя. И это после тех мук, которые доставляли мне эти люди!.. В итоге я прошел через такие тяжкие психические испытания, через такое невероятное человеческих отношений, что мне казалось, я приобрел почти невозможный опыт. Я чувствовал себя человеком, пережившим авиационную катастрофу и оставшимся после нее единственным живым. Это не преувеличение. Люди, которые меня тогда окружали, или покончили самоубийством в этой тюрьме, или же сошли с ума.

То есть передо мной встал вопрос, обычный для тех, кто пережил геноцид: почему я? Почему именно я остался единственным в живых? Ведь если человеческий дух выжил во мне одним из всех, с кем это приключилось, то я как бы являлся представителем тех, кому это не удалось, так что ли?

Я стал развивать в себе иные навыки отношения с миром. Я стал учиться печатать на машинке, благо, срок заключения у меня все равно оставался пожизненным. Через какое-то время я напечатал свою первую книгу «Чувство свободы», которая, будучи издана в 1977 году, стала бестселлером. Я открыл в

Статье другим

В ЧЕТВЕРГ ПОУТРУ

Бандит, художник, меценат...

Мы не можем пожаловаться, что к нам на «четверги» приходят неинтересные люди. Но приход Джими БОЙЛА по своей неожиданности превзошел все ожидания. Впервые, он шотландец и ни слова не говорит по-русски. Во-вторых, скульптор международного класса, строящий памятники в европейских столицах. В-третьих, писатель, автор бестселлеров, по которым снимаются фильмы. В-четвертых, общественный деятель, известный своей благотворительностью. В-пятых, Джими Бойл всего лишь 15 лет как на свободе. Из своих 53 лет он ровно половину провел в местах заключения, где в конце концов был приговорен к пожизненному сроку...

Поразительно не биография Д. Бойла. Поразителен сам человек, который в зрелом возрасте смог полностью изменить свою жизнь. Более того, осознать и выразить ее как урок, полезный всем остальным. Перед нами сидел просто сильный человек, талантливый художник и общественный деятель. По силе анализа он блестящий социальный психолог, а по трезвости и широте ведения дел — опытный западный бизнесмен. Публикуя запись беседы с Джими Бойлом, мы выражаем благодарность переводчикам Диме и Тане и надеемся вскоре опубликовать фрагменты тюремного дневника нашего гостя — книги, ставшей бестселлером как в Великобритании, так и в других странах. Это действительно невероятный документ человеческой силы, ума и духа, который может быть весьма полезен в нашей нынешней жизни.

себе ощущение творчества. Не знаю, чудо ли это, но в 1974 году ко мне в тюрьму пришел великий скульптор Йозеф Бойс и начал учить меня скульптуре, к которой я почувствовал огромное влечение. С тех пор мы с Бойсом стали друзьями и, когда я вышел на свободу, вместе работали до самой его смерти. Мой тогдашний опыт можно описать так: в какой-то момент словно рухнула дамба, и из меня хлынули творческие возможности.

В тюрьме я встретил свою нынешнюю жену. Она была врачом-психиатриком и приходила работать со мной как с заключенным. Мы поженились, когда я еще был в тюрьме. Это была сказка о Красавице и Чудовище. Весь мир стоял на том, что этому не бывать, что невозможно, чтобы такая красивая и уважаемая дама из аристократической семьи вышла замуж за такого монстра. Тем не менее вот уже 18 лет мы счастливо женаты. У нас много общего как в интеллектуальной сфере, так и в эмоциональной. Странные условия, при которых произошла наша встреча, не помешали нашей любви. После моего освобождения мы вместе с ней руководили клиникой по лечению наркоманов. Она и сейчас продолжает работать в этой области, а я больше переключился на занятие скульптурой и писание книг.

Книга «Чувство свободы» как бы пролила свет на происходящее в тюрьмах, показала процесс криминализации изнутри. Она дала и гражданам, и правительству понимание того, почему люди совершают преступления и как это происходит. Спусти какое-то время, в ноябре 1982 года, под давлением общественности властям пришлось освободить меня из тюрьмы. К тому времени я уже был достаточно известен и в качестве скульптора. Мои работы, сделанные в тюрьме, раскупались и имели успех.

— Расскажите о своей благотворительной деятельности.
— Испытывали ли вы смертельную опасность?
— Не является ли криминальная личность выше средней?

Цепочка насилия заводит слишком далеко

— Когда-то Уинстон Черчилль сказал, что уровень развития общества можно оценить по тому, как оно относится к инвалидам, старикам и заключенным. Я знаю, что это может поразить ситуация, когда преступник имеет возможность в тюрьме писать книгу, заниматься скульптурой и жениться на враче-психиатрике, которая с ним работает. Но мы — не Россия. У нас другая точка зрения. Мы считаем, что сейчас наши условия в тюрьмах невозможны для жизни, потому что, например, в скандинавских странах к заключенному каждый день приходят члены его семьи, кормят его, разговаривают, гуляют с ним...

Рано или поздно государству придется ответить на вопрос, что ему нужно — более изощренный преступник, получивший «высшее тюремное образование», или человек, который, подобно мне, способен позитивно изменить свою жизненную ситуацию и стать полезным членом общества? Чтобы эффективно изменить ситуацию с криминальным миром, надо уяснить его суть и природу. Ведь даже обычные люди, воспринимающие эти вещи чисто умственно и философски, все они без исключения находятся под большим эмоциональным влиянием состояния преступности в обществе.

Взять самое простое. Сколько людей во всем мире уверены, что детей можно чему-то научить, только наказывая. Ты их бьешь — они тебя слушаются! Существует прямая зависимость между битьем детей и тем, что, когда они вырастут, они в свою очередь станут бить своих детей. Значит, всем нам необходимо искать какие-то более гуманные способы обхождения друг с другом, с теми, кто рядом. Цепочка насилия слишком далеко простирается от наших действий.

Это я тоже, к несчастью, знаю на собственном примере. От первого брака, который у меня был до того, как я ушел надолго в тюрьму, у меня было двое детей. Сына убили три года назад из-за наркотиков. Жил он в нищих районах, где это бизнес процветает. Я должен признать, что моя прежняя жизнь стала причиной гибели сына. Понимание своей ответственности за все, что ты делал раньше, это, наверное, самое тяжелое в моей нынешней жизни. Разве я забуду свою мать, которая дала мне в жизни только самое хорошее и которая умерла, когда я был в тюрьме?.. Поэтому я и говорю, что многие психологические муки, которые я претерпеваю в своей новой жизни, несоотнесены с физическими испытаниями в той, прежней жизни.

Но именно поэтому я не ухожу полностью в новое, творческое измерение

своей деятельности, как мог бы. Да, я люблю деньги, которые получаю за свои произведения, свой новый статус успешного профессионала, известность, которую имею. Меня приглашают жить в Лос-Анджелесе, где я мог бы работать в Голливуде. Но я остаюсь в Шотландии. Мой опыт, моя помощь нужны тем, кто подобен мне.

Я хочу объяснить одну вещь. Я знаю, что в России очень хорошо относятся к госпоже Тэтчер. Но весь парадокс состоит в том, что хотя я и сам был освобожден во время ее правления, тем не менее она принесла очень много бед Великобритании. Именно в годы ее правления героин и другие тяжелые наркотики стали страшной проблемой в нашей стране.

Первые восемь лет после выхода из тюрьмы я провел, помогая детям и подросткам, ставшим жертвами наркомании. По многим непонятным причинам за период с 81-го по 85-й годы большинство этих молодых людей были заражены СПИДом и умерли. Мы с женой создали специальный центр по борьбе с наркоманией. Он помог многим молодым людям, которые уже не могли жить совершенно не употребляя наркотики. Мы старались помочь им избавиться прежде всего от жуткой зависимости внутривенного употребления героина. Я старался помогать им тем же образом, который помог и мне самому. То есть найти в них какую-то творческую изюминку, проявить себя в театре, в живописи, в скульптуре. Мы создали целую сеть организаций и фондов, которые собирают деньги для решения этих задач.

С 86-го года я очень много времени занимался с умирающими от СПИДа подростками. Ну, например, исполнением их последних желаний. Кому передать вот эту пластинку или вот это колечко, когда они умрут. Крайне тяжелые ощущения. Причем в большинстве своем это были обычные дети из нормальных семей, которые могли и должны были стать полезными членами общества. Через какое-то время я просто не выдержал и опять занялся творчеством.

В тот момент были всякие ситуации. Мы ведь работали в очень специфических районах Эдинбурга, этого шотландского города, который называют восьмой европейской столицей. Например, самый последний случай. В квартире жил наркоман со своей женой и новорожденным ребенком. Ребенок плакал не переставая. Папа решил его утихомирить и со всей силы ударил в живот. Поскольку ребенок не умер, хотя и получил сильнейшие внутренние повреждения, он стал орать еще больше. Жена наркомана не хотела звонить в полицию, а позвала мне, прося о помощи, но с неперенным условием, что в полицию мы сообщать не будем. Когда я вышел в квартиру, ее муж набросился на меня с ножом. Это был очень сильный, большой мужчина. И ситуация заключалась в том, что ему гораздо выгоднее было сесть в тюрьму, сильно порезав Джими Бойла, чем отвечать за то, что он сделал калек младенца. Просто потому, что за ребенка он понес бы гораздо большее наказание.

В тот кризисный момент требовалась очень большая сосредоточенность. Главным было не вступить в драку с этим человеком. Постараться вывести его из этого агрессивного состояния, заговорив с ним. Потому что он находился в иррациональном аффекте, мгновенном и непредсказуемом. И мне каким-то образом удалось войти с ним в контакт, не применяя силы, но, честно говоря, этот момент показался мне бесконечным. И тогда его злобная агрессия обернулась истерикой, я забрал у него нож, и мы смогли отвезти ребенка в больницу.

Те фонды, которые я организую, должны дать возможность бывшим преступникам найти новое применение в жизни. К сожалению, все наши тюремные институты построены как криминальные структуры, где происходит обучение и еще большее вовлечение людей в преступную сферу. Британская тюрьма — это система, самопроизводящая преступность. Отрицательный результат для нее важнее положительного. С 82-го по 90-й годы я проводил множество акций в прессе, на телевидении и на радио для освещения того, что происходит в тюрьмах. Но за все это время меня ни разу туда не пустили, несмотря на мои просьбы, потому что считалось, что в моем лице заключенные видят героя, который смог победить систему. Я был незначительным элементом. Без меня там было бы проще. Потому что в британской тюремной системе 97 процентов рецидива!

Когда я услышал эту статистику, я был в компании с кардиохирургом, который сказал, что если бы он работал с таким эффектом, то его бы на следующий день уволили. Поэтому мои усилия и были направлены на изменение этой системы, которая есть поражение общества.

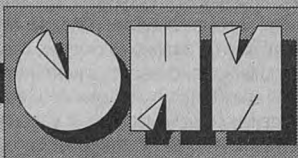
Дело в том, что криминальный мир это тот же обычный мир, только вывернутый. Снаружи, если ты смотришь на преступную среду, волосы встают дыбом от кошмара, который там происходит. А если вы находитесь внутри этого мира, то все в нем для вас — нормальное состояние. Каждый участник там находится внутри развивающейся системы взаимоотношений. В криминальном мире крайне важен твой статус. Или ты хороший боец, или прекрасный вор. Важны твои личные качества. Чтобы изменить эту систему, мы должны понимать суть происходящего в ней.

Большинство преступников не имели возможности дать иное творче-

ское направление своей личности, чем только в сторону криминала. По сути, в криминальной личности нет ничего такого, что мы могли бы превознести или обожествить, или, наоборот, проклясть как дьявольское. Это не так. Просто человеку дается возможность творить именно в этом направлении. Покажите мне потенциально сильного уголовника, и я вам покажу потенциально хорошего бизнесмена или художника. И наоборот, покажите мне хорошего бизнесмена, и я покажу вам потенциального уголовника. Со мной самим произошло нечто подобное. Как только появилась возможность заниматься творчеством, я излил свою душу в этом направлении. И оказалось, что испытанный мною опыт важен при переводе в литературную и художественную форму.

Вначале все, что я делал в искусстве, шло из прошлого. Когда люди начали покупать мои скульптуры, я был уверен, что это только потому, что я их делаю не где-нибудь, а в тюрьме. Но постепенно я понял, что люди просто доверяют тому, что я делаю и делаю так, как хочу. Ведь если книга моя получила международную известность, то ее читали и те, кто вовсе не подолзал о моем прошлом. Они воспринимали только текст. Этого я, признаться, и сам не ожидал. Я был уверен, что мое прошлое как было в тюрьме, так мои корни там и останутся.

Оказалось, нет. Поэтому я и воспринимаю себя как человека, который сначала жил одной жизнью, а потом развил себя изнутри как совершенно иное существо. Стал другим, будучи достоин им быть.

— Какие у вас впечатления от России?
— Почему демократия и криминал идут в нашей стране рука об руку?
— Оцените как скульптор памятник Петру в Москве.

Все власти одинаковы. Только мы — разные

— Я думаю, очевидно, что нет идеального социального строя и нет безусловных властей. Это видно и на опыте Великобритании, где на протяжении последних 18 лет процветала коррумпированная бюрократия, которую мы называем «слизью». Сейчас весь этот аппарат рухнул в результате последних выборов, и в британцах появилась надежда на лучшее.

Но главное, конечно, это то, что каждый из нас может делать и делает. Можем ли мы реально изменить окружающую нас жизнь к лучшему? Занимаясь полтора десятка лет разного рода благотворительными проектами, мне кажется, я обрел некоторый опыт.

Например, сейчас у нашего фонда есть группа волонтеров, которая внедряется в бедные кварталы. Я даю им определенное количество денег для организации центров, в которых низкооплачиваемое население получало бы помощь. Но какую помощь? Не деньгами, а обретением новых навыков, которые помогли бы им своими силами изменить свою жизнь к лучшему.

Вель у Британии, как и у нашей, наверное, страны, есть огромный опыт помощи странам «третьего мира». В чем конкретно она заключалась? Глава белой африканской страны просит, допустим, правительство Великобритании построить в африканской деревне современную больницу. Хорошо. Наша страна выделяет определенную сумму. На следующий год, когда приезжает комиссия посмотреть, что получилось, оказывается, что больницы практически никто не пользовался. Населению на самом деле нужны были какие-нибудь тягловые животные или орудия для обработки земли.

Мы используем опыт этих ошибок. Мы даем людям деньги с тем, чтобы они сами решали, что им необходимо в первую очередь. Наши сотрудники живут там и на своей шкуре знают, что необходимо.

Возможно, моя международная известность помогла тому, что многие знаменитые люди, как, например, Элтон Джон или Джордж Харрисон из «Битлз», участвуют в этом проекте и дают на него деньги. С Харрисоном я работал десять недель над фильмом по моей книге «Чувство свободы», который вышел в 1986 году. У меня также вышла другая книга — «Герой зазеркалья», так, наверное, можно перевести. Недавно я был в Каннах и там продал права на экранизацию этого фильма.

Я не социалист, в России я в первый раз и очень рад, что приехал сюда. Я уже говорил, как меня потряс Достоевский, а потом и «Мертвые души» Гоголя. От этого и развился мой интерес к вашей стране. Я был на Кубе, и наши системы, безусловно, похожи, как и те трудности, которые вы переживаете.

Москва, как я ее ощутил, довольно возмущенное сегодня место. Вся ее новая коммерция, бизнес — это как мчащийся экспресс, который никто уже не сможет остановить.

Дело в том, что я на примере собственной страны видел, как разрушалась культура Шотландии. Я, как и другие шотландцы, весьма озабочен процессом коммерциализации и умерщвления культурных ценностей. Здесь, очевидно, происходит тот же процесс. В этих условиях в обществе должен быть услышан авторитетный и сильный голос, который сказал бы, что именно происходит.

Вы понимаете, что я не являюсь узкоколым шотландским националистом. В конце концов, у меня жена — англичанка. Но за последние 18 лет мы видели, как государство продавало нашу страну по кусочкам в другие страны. Как над Шотландией вешали бирки «продаю» или «на продажу». Но мы считаем, что у нас есть некие культурные ценности, которые не подлежат продаже, которые позволяют нам оставаться теми, кто мы есть. Тем более что за это время мы стали свидетелями, как расшатывалась и рухнула система ценностей в самой Англии.

Безусловно, что в России я всего лишь турист, приехавший на несколько дней. Но когда меня спрашивают и в Северной Ирландии, где я часто бываю, «что нам делать?», я отвечаю, что решение проблем только в ваших собственных руках.

Что я думаю о памятнике Петру? Видимо, этот памятник является олицетворением именно того этапа, на котором находится ныне Москва. Это памятник ее нынешнему состоянию. Взять даже то, что это сооружение не очень тактично по отношению к окружающему его пространству, не вписывается в архитектурный ансамбль. Впрочем, я думаю, что многие люди подобным же образом отзываются и о моих скульптурах.

В данный момент у меня контракт на сооружение двух монументов в Дублине и в Белфасте под общим названием «Во времена конфликта». Должен сказать, что, несмотря на то что мы располагаем четвертью миллиона фунтов стерлингов для сооружения этих памятников, мы не начнем работу без скрупулезного рассмотрения проекта со всех точек зрения. Скульптура должна вписываться в окружающее пространство. Поэтому мы и проводим консультации с представителями всех близлежащих общин. Представьте, если люди будут каждый день открывать окна и с ненавистью смотреть на то, что им не нравится.

Ну а то, как вам отнестись к переживаемому вами периоду истории, вам, конечно, самим решать. Да, демократический строй предоставляет свободу человеческой сути, в том числе и весьма неприглядным ее сторонам. Я должен заметить, что, допустим, в Северной Ирландии ситуация с наркотиками не такая ужасная, как у нас, поскольку там достаточно жесткий военный режим, и солдаты нещадно пресекают любые криминальные действия. Так что можно выбрать между военной диктатурой и демократией.

Лично я выбираю демократию даже со всем присутствием ей криминалом. Ведь у и нас были времена жестокой государственной системы, когда за кражу овцы человека вешали. Та ситуация, что существует у нас сейчас, это результат очень длительного и постепенного изменения к лучшему.

В вашей же стране демократия только-только появляется. Несмотря на всю вашу великую историю, вы в этом отношении еще маленькие детки.

Желаю Вам смелости и силы в процессе перемен.

Jim Boyle

Полосу подготовил Игорь ШЕВЕЛЕВ
Фото Михаила КЛИМЕНТЬЕВА